

Бутрин Егор Сергеевич

ВОЕВОДСКИЙ СУД В ШУЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

В статье на материале архива шуйской земской избы рассматривается вопрос об отчуждении судебных прав посадской общины в пользу воеводы в первой половине XVII в. Делается вывод, что основным рычагом давления на посад было право сместного суда, адресованное воеводе правительством. Автор обосновывает положение, что уже с начала 1620-х гг. система воеводского управления обретает тесные и взаимовыгодные связи с посадским миром.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 39-42. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Брюссельская конвенция 1924 года об унификации некоторых правил о коносаменте (Гаагские правила)** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.referent.ru/1/24911> (дата обращения: 18.04.2015).
2. **Гримм Д. Д.** Лекции по догме римского права / под ред., с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 496 с.
3. **Конвенция ООН о морской перевозке грузов «Гамбургские правила» (Гамбург, 31 марта 1978 г.)** [Электронный ресурс]. URL: <http://zakonrus.ru/asmap/convgp.htm> (дата обращения: 18.04.2015).
4. **Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов** [Электронный ресурс]: принята Резолюцией 63/122 Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 2008 года (Роттердамские правила). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/carriage_of_goods.shtml (дата обращения: 18.04.2015).

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CONTRACT OF AFFREIGHTMENT OF GOODS

Butakova Nadezhda Aleksandrovna, Ph. D. in Law

*The North-Western Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy
of National Economy and Public Administration in Saint-Petersburg
nadbutakova@gmail.com*

The article deals with the issues devoted to the legislation on affreightment of goods. The author analyzes the problems of the development and unification of maritime law as appeared earlier than other branches of law of shipping. The problems of the contractual regulation of affreightment of goods both in line and tramp shipping, as well as the issues of forming the catalogues of exceptions from the liability of the carrier are considered; the limits of the pecuniary liability of the carrier provided by maritime conventions are shown. On the basis of the conducted analysis of maritime conventions the author comes to the conclusion about the ways to improve the existing legislation on affreightment of goods.

Key words and phrases: contract of affreightment; charter; bill of lading; limit of liability of the carrier; catalogue of exceptions from liability of the carrier.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье на материале архива шуйской земской избы рассматривается вопрос об отчуждении судебных прав посадской общины в пользу воеводы в первой половине XVII в. Делается вывод, что основным рычагом давления на посад было право сместного суда, адресованное воеводе правительством. Автор обосновывает положение, что уже с начала 1620-х гг. система воеводского управления обретает тесные и взаимовыгодные связи с посадским миром.

Ключевые слова и фразы: воеводское управление; посадская община; земские судьи; земские старосты; судебные полномочия; сместный суд.

Бутрин Егор Сергеевич

*Шуйский государственный педагогический университет
esutrin@yandex.ru*

ВОЕВОДСКИЙ СУД В ШУЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. ©

Воеводская власть являлась основной формой местного самоуправления в России в конце XVI – начале XVIII в. Одной из важнейших функций этой власти являлась судебная. Судебные права перешли к воеводам от наместников и волостелей. Согласно установлениям губной реформы 50-х гг. XVI в. эти лица должны были осуществлять суд при участии «судных мужей», старост и целовальников – представителей местной общины [2, с. 257-301; 10, с. 77-79]. Однако в начале XVII в. посадская судебная администрация теряет самостоятельность и попадает под власть воевод. Если в середине 1580-х гг., по словам В. А. Аракчеева, воеводское управление в Пскове «опиралось на выборные земские структуры» [1, с. 131], то со времени окончания Смутного времени «воеводское управление исключает всякое другое» [6, с. 288-290], в том числе и в судебном отношении. Однако конкретные формы этого процесса на местах, его движущие силы и особенности оказались обойдены вниманием исследователей. Между тем, как справедливо замечает И. П. Ермолаев, касаясь темы воеводских полномочий в XVII в., «единственно верным подходом к вопросу должен быть региональный принцип» [7, с. 106-107]. Подобную возможность предоставляют материалы архива земской избы г. Шуи, сохранившегося практически целиком благодаря усилиям местных краеведов XIX в. (прежде всего В. А. Борисова). Документы этого архива позволяют проследить реализацию устранения посадской общины от судебной власти в первой половине XVII в.

7 июля 1606 г. шуяне получили уставную грамоту от царя Василия Ивановича. В преамбуле акта сообщается, что прежде у них была аналогичная жалованная уставная грамота Ивана IV Васильевича, которая затем была «переписана на Ростригино имя». По новой грамоте шуяне имели право по-прежнему «судится меж себя самим», для чего они должны были ежегодно выбирать «всем посадом меж себя» излюбленных земских судей. Эти судьи обязаны были их «судити, управа меж их чинити и четвертные доходы сбирати по книгам сполна». «У записки всяких дел» в суде также должны были находиться избранные посадские люди – земские дьячки. В случае иска на шуянах «сторонних людей» дело переносилось в столицу. В случае же поимки посадского «на разбое» либо наличия «поличного» (свидетельств явной вины подозреваемого) дело передавалось губным старостам [3, № 1, с. 140-145]. Таким образом, земские судьи сосредотачивали в своих руках и судебные, и податные полномочия. Очевидно, так в акте именуется земские старосты, поскольку обязанности последних были аналогичными. Это опровергает мнение Б. Н. Чичерина, полагавшего, что земских старост не следует смешивать с земскими судьями, поскольку «предметом ведомства первых всегда были финансовые дела, тогда как главное ведомство вторых стояло в суде» [12, с. 553-554]. В данном случае наименование земских старост «судьями» ведет к акту, послужившему протографом грамоты В. И. Шуйского – аналогичной грамоте царя Ивана Васильевича, выданной, несомненно, в ходе земской реформы 1550-х гг.

К заключительному этапу Смуты относятся первые данные о недовольстве действующей судебной системой. Шуйский земский староста Трофим Дубовиков в своей челобитной в числе других обид упоминал тот факт, что «дворяне и дети боярские розных городов, и суздальцы и их люди емлют на Москве зазывные грамоты в ыскех, и в том де им продажа чинитца великая». 9 марта 1613 г. в Шую И. Я. Блохину была направлена грамота, в которой ему предписывалось шуян к Москве по «зазывным грамотам» на поруки не давать, «а судил бы еси шуян, посадских людей, в ысцовых искех в Шую, и с судных дел пошлинные денги записывал». Пошлинные деньги воевода должен был высылать в приказ Галицкой четверти. В случае затруднений в решении судебного дела его также необходимо было отсылать в Москву [9, № 4, с. 240-241]. Таким образом, изначально полномочия воеводы должны были касаться только «сместного» суда со сторонними людьми.

Однако воеводы немедленно распространили свои полномочия на всех представителей посадской общины. Первый конфликт относительно новых правил судопроизводства возник уже в 1614-1615 гг. Шуяне били челом на назначенного к ним воеводу И. Д. Гундорова, которому велено было их судить и «промеж нами расправу чинити». Они приносили к воеводе челобитья «во всяких делех», и он давал им суд. При этом воевода хотел получать и пошлины. Однако шуяне напоминали, что прежде платили их в Галицкой чети, а также о том, что по уставной грамоте им положено «промеж собою, выбирая судей, судится самим» [3, № 3, с. 147-148]. При этом они требовали лишь изъять из ведения воеводы прием судебных пошлин, а вовсе не отнять у него право суда вообще. Из содержания челобитной следует, что Гундоров «дает суд» по челобитьям шуян, то есть они сами признают за ним это право.

Однако в грамоте, выданной посадским людям 20 августа 1615 г., воевода отстранялся от судебной власти и шуянам велено «меж себя судится самим, выбирая по годом целовальников», а пошлины по судным делам высылать в Москву вместе с оброчными деньгами [4, № 7, с. 295-296]. Толчком к выдаче этого акта, судя по изложению в нем просьбы шуян, послужила другая челобитная. В ней просители заявляли, что их судят «во всяких делах воеводы, а от воевод им чинятся продажа и убытки великие» и просили дозволения «судиться самим», ссылаясь на уставную грамоту. Таким образом, через некоторое время после первого челобитья о «пошлинных деньгах» последовало второе, в котором требования были выражены более радикально. Однако в реальности и после выдачи акта от 20 августа 1615 г. суд осуществлялся воеводой. Данная практика получила отражение в челобитной воеводы П. Ф. Волынского на шуян Ф. Ф. и К. Ф. Горбуновых, обвиняемых в избиении и грабеже жителей двух посадских дворов. При этом пострадавшие «извещали» на агрессивного воеводу, но подать иск ему не посмели, опасаясь ответной реакции. Таким образом, внутриобщинный суд осуществлялся воеводой, хотя свидетелями выступали «многие посадские люди» [11, № 206, с. 220-221].

Через короткое время вопрос возник вновь. В челобитной по этому поводу шуяне отмечали, что прежде по их челобитью было получено предписание «посадских людей в ысцовых искех судити в Шую приказным людем», а по зазывным грамотам шуян на поруки не давать. Они имели в виду грамоту от 9 марта 1613 г. Однако подобная практика продолжалась, причем «иные люди емлют по них же (шуян – Е. Б.) в ыскех судимые грамоты в Суздаль и в Лух и в ыные городы». От этого шуяне терпели «продажи и убытки великие». Они просили «велети б их по прежнему судити в Шую приказным людем». Таким образом, община отказывалась от судебных прав, передавая их воеводе. 7 марта 1620 г. шуйский воевода Д. С. Змеев получил предписание шуян «в ыные городы» судить не давать, а осуществлять суд самому. При этом «зазывные грамоты» в Москву принимались лишь из приказа Галицкой четверти [4, № 15, с. 306-307]. Таким образом, решающим в деле передачи воеводе суда над посадскими людьми вновь оказался «сместный суд». Посадская община не имела права осуществлять его, и все подобные дела должны были разбираться в Москве, что вело к многочисленным «убыткам и протограм». Воевода же имел возможность осуществлять суд на месте, хотя и по искам ограниченного размера.

В результате оказалось потерянным и право сбора судебных пошлин. Воевода Д. С. Змеев должен был получать пошлину «с тех судных вершенных дел» [8, № 54, с. 220], фиксировать ее в книгах и отправлять в Москву. Однако ни денег, ни книг воевода к 1 сентября 1620 г. в Москву не прислал. В результате грамотой от 4 сентября 1620 г. ему было предписано судить посадских людей лишь в исках до 10 р. «и менши». По более крупным искам судить их должен был дьяк в Галицкой чети. В случае насильственного суда воеводы

по таким искам об этом следовало сообщить в Москву. Сбор пошлин осуществлялся воеводой, но под контролем посадской общины: «пошлинные книги» по искам должен был вести земский дьячок [4, № 17, с. 308-309].

Судя по всему, именно вопрос с «пошлинными деньгами» стал причиной привлечения посадских людей к судебной деятельности. После снятия с должности воеводы Д. С. Змеева его функции некоторое время выполнял губной староста Ф. В. Сеченый. В грамоте шуянам от 14 апреля 1621 г. даны новые указания относительно судопроизводства. Шуяне должны были Сеченого «во всяких делах слушать и под суд к нему ходить», но при этом они могли выбрать к судным делам «старост и целовалников трех или двух человек». Эти лица должны были «сидеть в суде с Филатом Сеченым вместе» и собирать судебные пошлины [Там же, № 20, с. 311-312]. В июле 1621 г. в город был назначен новый воевода П. И. Ярцев. В грамоте, отправленной шуянам по этому поводу, подтверждено право шуян судиться только в Галицкой чети и предельный размер воеводского суда в 10 р., однако не имеется упоминаний о порядке судопроизводства [Там же, № 22, с. 313].

Обстоятельства дела 1627 г. указывают на то, что посадские люди потеряли право совместного суда и контроля над сбором судебных пошлин. Вероятно, новшество ввводилось лишь на время управления городом губным старостой в отсутствие воеводы. Воевода Г. П. Шаховский самостоятельно осуществлял и судопроизводство, и сбор судебных пошлин, и их отправку в Москву. Вскоре в столице «ведомо учинилось», что воевода судит шуян в «двадцати и в тридцати и в сороке и в пятидесяти рублех и больши, а наши пошлины с тех судных дел емлет себе и корытуется сам». Об этом было сообщено шуянам еще 15 марта, а 5 июня 1627 г. они получили предписание «расписать» все иски свыше 10 р. с участием посадских людей, учесть размер заплаченных за них пошлин и выслать эту роспись в Москву. Впредь воеводе такие дела судить запрещалось [Там же, № 32, с. 319-320]. Таким образом, выясняется, что шуяне уже не принимали никакого участия в судопроизводстве: отсутствовала даже практика составления «записных книг» земским дьячком. При этом сообщение о «корысти» воеводы было получено не от шуян, а от сторонних лиц. Значит, подобная практика отвечала интересам посадской общины. Причины такого «доверия» воеводе выясняются из целого ряда челобитных о повышении размера иска в воеводском суде.

Столичный суд по «засывным грамотам» являлся тяжким бременем для участвовавших в разбирательстве посадских людей. Вызванные к ответу по иску в Москву лица терпели огромные «протори и убытки». Поэтому ключевым вопросом после окончательного перехода местного суда в руки воеводы стал вопрос о размере иска, по которому суд мог осуществляться на месте. Первоначально шуяне добились временного ограничения исков по «засывным грамотам»: в 1620-1621 гг. для них было установлено «три годичных срока», на которые они должны были держать ответ в московском суде по «засывным грамотам» [8, № 64, с. 221]. Однако вскоре возникает и вопрос о повышении размера иска. Толчком к этому послужила регулярная судебная практика. В 1632-1633 гг. шуяне жаловались на дворянина Ф. Д. Замыцкого, продававшего их «поклепными и засывными грамотами», и по государеву указу ему было суда на шуянах давать не велено [4, № 35, с. 61]. В 1639-1640 гг. шуяне били челом на сына боярского Евсевия Погаркова, получившего «засывную грамоту» на четырех шуян, обвиняемых им в нанесении убытков на 86,5 р. Однако шуяне утверждали, что его иск является «поклепным» и вызван конфликтом истца с шуянами [5, д. 70, л. 1 – 1 об.]. В 1640-1641 гг. шуяне били челом на Алексея Козьмина, бывшего попа шуйской Крестовоздвиженской церкви, получавшего на шуян «засыльные грамоты в поклепных исках». По этим искам он «приставливал» в Москве к шуянам, появляющимся там «для своего промыслишку» [4, № 32, с. 58-59].

В дальнейшем рефрен об убытках, которые шуйские «торговые и промышленные люди» несут, появляясь в Москве по «поклепным искам», стал постоянным. В 1643 г. шуяне жаловались на дворян В. И. Третьякова, Ф. Д. Замыцкого, Г. А. Кашинцева и Д. А. Колобова. По словам челобитчиков, они многие годы «продают их, поклепав напрасно и емлют на них многие засывные грамоты». В этом акте также упоминается о том, что отвечать по «поклепным искам» вынуждены все шуяне, оказавшиеся в Москве по торговым делам «для своих промыслов». Таким образом, наиболее жестко вопрос о размере иска на месте ставился для торгово-промышленной верхушки посада, имевшей интересы в столице. 31 марта 1643 г. шуйский воевода А. М. Мишуков получил грамоту по этому челобитью [4, № 58, с. 84-85; 8, № 204, с. 237], предписывавшую шуян «от налогов» дворян оберегать. Однако это не устраняло коренную причину «поклепных исков». С целью ее ликвидации была направлена другая челобитная, датирующаяся тем же годом. Шуяне жаловались, что шуйские и суздальские дворяне и дети боярские, а также московские стрельцы берут на них в Шую «засывные грамоты» и по ним «волочат их к Москве и убытки и продажу чинят великую». От этих «больших поклепных исков» шуянам приходится откупаться, давая от 2 до 6 р., после чего истцы от исков отступаются. Шуяне ссылались на аналогичное челобитие суздальских посадских людей, которые получили привилегию судиться в Суздале в исках до 200 р. [5, д. 5, л. 1 – 1 об.]. В результате 15 июля 1644 г. шуйский воевода Н. И. Оболенский получил право судить шуян «во всяких исцовых исках» до 200 р. «опричь разбою и татьбы и поличнова» [4, № 68, с. 348-349; 5, д. 78, л. 1-3].

Нужно отметить, что желание посадских людей расширить полномочия воеводского суда определенно прослеживается и далее. После получения воеводой полномочий разбирательства дел по крупным искам встал вопрос о разбирательстве им любых дел по искам к лицам, представлявшим подведомственный уезд. В 1652-1653 гг. шуяне вновь били челом относительно «засывных грамот». Они жаловались, что истцы получают «засывные грамоты» из приказа Галицкой чети, «а перед воеводой тех своих поклепных исков не ищут» (обращаются в центральную инстанцию, минуя воеводский суд). Таким образом, когда шуяне являются в Москву, их по этим искам «волочат и убытчат и продают напрасно». На тех же, кто не является, истцы получают «засывные грамоты», чтобы «поклепные иски в Шую править без суда без сыску» [4, № 79, с. 105-106].

В результате 7 сентября 1653 г. шуйский воевода П. О. Овцын получил предписание не давать посадских людей на поруки без «кабал и без записей», а чинить суд в городе [3, № 53, с. 174-176; 8, № 328, с. 252].

Таким образом, тенденция на отчуждение судебных прав у городской общины в пользу воеводы наметилась непосредственно после окончания Смуты. Причем центральная власть в данном случае использовала весьма действенный рычаг давления: в отличие от «земских судей» воевода имел право производить «сместный суд». Это позволяло избежать затяжки судебного процесса и увеличения финансовых издержек, связанных с переносом его в столицу. В 1613 г. шуйский воевода получает право сместного суда, а уже в 1615 г. выясняется, что он судит посадских людей и во внутренних исках. Посадские люди попытались использовать в качестве рычага давления на государство право сбора судебных пошлин. Оно позволяло воеводам получать значительные суммы в обход государевой казны, поскольку контроль над их действиями отсутствовал. Именно поэтому первая челобитная шуян 1614-1615 гг. была посвящена праву сбора судебных пошлин. В результате право внутреннего суда шуянам было возвращено. Однако рычаг «сместного суда» оказался весьма действенным. Уже в 1620 г. шуяне сами просили об установлении воеводского судопроизводства. Для предотвращения же произвола воеводские полномочия были ограничены исками размером до 10 р. При этом сбор пошлин должен был осуществляться под контролем общины.

Однако реальная практика шла в разрез с законодательными установлениями. Контроль над судом и сбором пошлин со стороны посадских людей полностью отсутствовал. При этом воевода осуществлял суд и по более крупным искам, чем было положено законом. Таким образом, противостояние посадских людей и воевод по вопросу о праве суда и сбора пошлин сменяется их симбиозом. Следующие три десятилетия были заполнены борьбой посадской общины за увеличение объема судебных полномочий воеводы. Шуяне утрачивают всякий интерес к праву самостоятельного суда. Напротив, они стремятся добиться увеличения прав воеводы на месте в противовес московской волоките. Эти требования посадских людей вытекали из реальной судебной практики. Практика «застывших грамот» в столицу наносила шуянам «великие протори и убытки». После предоставления воеводе права разбирательства крупных исков, борьба приняла иное направление: шуяне пытались добиться сосредоточения в их руках всей полноты судебной власти в уезде. Очевидно, подобное направление действий общины было связано не только с тяжестью расходов по искам, разбиравшимся в Москве. Очевидно, с середины 1620-х гг. система воеводского суда и управления обрела весьма тесные и взаимовыгодные связи с посадским миром (во всяком случае, с его верхушкой, определявшей политику общины).

Список литературы

1. **Аракчеев В. А.** Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV-XVII вв. Псков: Псковская областная типография, 2004. 360 с.
2. **Бовыкин В. И.** Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
3. **Борисов В. А.** Собрание трудов (материалов): в 3-х т. / ред. Е. Г. Вопилин, В. И. Баделин. Иваново: МИК, 2002. Т. 1. 428 с.
4. **Борисов В. А.** Собрание трудов (материалов): в 3-х т. / ред. Е. Г. Вопилин, В. И. Баделин. Иваново: МИК, 2004. Т. 2. 560 с.
5. **Государственный архив Ивановской области (ГАИО).** Ф. 324. Оп. 1.
6. **Градовский А. Д.** История местного управления в России. СПб.: Печатня В. Головина у Владимирской церкви, 1868. Т. 1. 384 с.
7. **Ермолаев И. П.** Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1982. 223 с.
8. **Летопись занятий Археографической комиссии за 1913 г.** СПб.: Типография М. А. Александрова, 1914. Вып. 26. 484 с.
9. **Любомиров П. Г.** Очерк истории Нижегородского ополчения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 341 с.
10. **Носов Н. Е.** Становление сословно-представительных учреждений в России. Л.: Наука, 1969. 602 с.
11. **Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край** / ред. С. И. Котков. М.: Наука, 1984. 368 с.
12. **Чичерин Б. Н.** Областные учреждения России в XVII в. М.: Типография Александра Семина на Софийской улице, 1856. 593 с.

VOIVODE TRIAL IN SHUYA IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY

Butrin Egor Sergeevich

Shuya State Pedagogical University

esutrin@yandex.ru

The article by the material of the archive of Shuya Zemstvo Izba touches on the issue of the alienation of the juridical rights of the tradespeople's community in favour of the voivode in the first half of the XVII century. It is concluded that the key instrument to press the tradespeople was the right to joint trial granted to the voivode by the government. The author argues for the thesis that from the beginning of the 1620s the system of voivode administration acquires close and mutually beneficial ties with the tradespeople's community.

Key words and phrases: voivode administration; tradespeople's community; territorial judges; territorial wardens; judicial credentials; joint trial.